

Polylogos. 2013-2021

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylogos-journal.ru>

All right reserved

№ 3 Volume 4 - History, culture, civilization. In memory of Vadim Mezhuev. 2020

Memory as a political problem of Modernity

Veronika Sharova

*State Academic University for the Humanities (GAUGN)
119049, Moscow, Maronovskiy str., 26*

Abstract

The article examines a number of issues of correlation between knowledge about history and historical memory in the socio-political aspect. The problem of the fundamental attainability of the objectivity of historical knowledge is analyzed in the context of the philosophy of history from the standpoint of criticizing the ideas of classical Marxism. In this way, the article analyzes a number of provisions of the theory of discourse by Michel Foucault; in particular, it is noted that the discursive subjectivity of power manifests itself in the form of a specially organized historical narrative: the official concept of history correlated with the current political regime, and this phenomenon has a completely universal character. The article also focuses on the specifics of domestic research on the example of the concept of Vadim Mikhailovich Mezhuev: his interdisciplinary theory at the intersection of philosophy of history, political philosophy and the theory of culture are examined in the article.

Keywords list (en): philosophy of politics, philosophy of history, historical memory, politics of memory, space of memory, Vadim Mezhuev, criticism of Marxism

Date of publication: 09.12.2020

Acknowledgment:

Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках выполнения ГЗ (государственного задания) ГАУГН по теме "Современное информационное общество и цифровая наука: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты" (FZNF-2020-0014)

Citation link:

Sharova V. Memory as a political problem of Modernity // Polylogos. – 2020. – V. 4. – № 3 [Electronic resource]. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110012635-0-1/> (circulation date: 08.12.2021). DOI: 10.18254/S258770110012635-0

¹ По замечанию социолога Эдварда Шилза, «"великие события" — это те события, которые, как считается, определили последующее развитие и, соответственно, придали ореол

сакральности прошлому»¹. Обращаясь к событиям «великим» или просто бывшим *некогда*, событиям *случившимся*, мы осознанно или бессознательно всякий раз вынуждены задавать себе вопрос: что принципиально возможно знать об истории и что возможно помнить о ней? В рамках настоящей статьи мы в общих чертах планируем поразмышлять над тем, как соотносятся знание и память в историческом и политическом аспектах.

2 То, что история в значительной степени обладает потенциалом инструментальности в политической сфере – факт, и факт столь же давний, как и сами события, уже ставшие далёкой древностью для нас сегодняшних. Мировая культура изобилует сюжетами, сводящимися к выборочному использованию или прямой мифологизации истории: достаточно вспомнить ставшие уже классическими примеры влияния образа Римской республики на формирование институционального и духовного контуров Соединенных Штатов Америки в конце XVIII в., или Римской же империи – на империю французскую, наполеоновскую; эклектичный неорусский (или, что немаловажно, «псевдорусский») стиль, ассоциирующийся с периодом правления Александра III в России стал результатом поисков национальной самобытности и исторической идентичности в прошлом – в допетровской эпохе, во времени пребывания на престоле первых Романовых, а улицы уже советских городов до сих пор носят имена Марата и Робеспьера²...

3 Подобные механизмы поиска общественного и политического настоящего в прошлом представляются очень устойчивыми, благополучно воспроизводящими себя и в наши дни. Так, современный немецкий историк и социолог Харальд Вельцер обращает внимание на то, что предположение, будто «споры и конфликты по поводу политики памяти о Второй мировой войне, о «третьем рейхе» и о Холокосте будут затихать по мере вымирания тех поколений, которым довелось пережить эти события на собственном опыте»³, бытовавшее в немецком и, шире, европейском обществе в послевоенный период, отнюдь себя не оправдало. Напротив, отмечает исследователь, вопреки этим прогнозам в большинстве европейских стран подобные споры становятся лишь более интенсивными.

4 Эти и подобные обстоятельства заставляют нас задуматься о соотношении подлинного и достоверного *знания* об истории и того совокупного представления о ней, которое можно было бы отнести к разряду исторической *памяти*. По справедливому замечанию российской исследовательницы Ю. Сафроновой, особенность понятия «память» заключается в том, что оно метафорично, а потому «обладает всеми достоинствами и недостатками, свойственными метафорам»⁴. Следуя этой логике, можно прийти к выводу, что, с одной стороны, «оно будит воображение, позволяет дать имя многообразию сложно сопоставимых, а иногда и сложно уловимых процессов и таким образом дает исследователям новые предметы познания или новые инструменты для работы со старыми. С другой стороны, любая метафора ничем не ограничена в производстве смыслов. Вооружившись ею, как знаменем, можно изучать практически что угодно, а на любую критику отвечать, что автор использует понятие метафорически⁵», поясняет теоретик.

5 В размышлениях о соотношении знания и памяти, факта и интерпретации, стихийного и направляемого (управляемого – то есть ассоциирующегося с властью) мы если не неизбежно, то с большой степенью вероятности двигаемся в русле фукольдианства: Фуко, чьи отношения с профессиональными историками были довольно непростыми, в своих рассуждениях о сути дискурса, в частности, отмечает, что современная практическая история «не отворачивается от событий; наоборот, она без конца расширяет их поле; она без конца открывает всё новые их пласты, более поверхностные или более глубокие; она без конца вычленяет всё новые их ансамбли, где они часто являются многочисленными, частыми и взаимозаменяемыми, подчас — редкими и решающими: от почти ежедневных колебаний цен до инфляции, происходящих на протяжении столетий...»⁶ При этом философ подчеркивает принципиальный момент: история «не рассматривает события, не определив серию, часть которой оно составляет, не специфицировав тот способ анализа, которому эта серия подчинена, не попытавшись узнать регулярность феноменов и границы вероятности их внезапного появления, не спросив себя об изменениях, отклонениях и ходе кривой, не пожелав определить те условия, от которых эти последние зависят⁷»...

6 Фуко перечисляет необходимые категории, методологические инструменты: регулярность, непредвиденная случайность, прерывность, зависимость, трансформации, полагая, что «благодаря такому набору анализ дискурсов, о котором я думаю, сочленяется, конечно, вовсе не с теми традиционными темами, которые философы вчерашнего дня ещё принимают за «живую» историю, но с реальной работой историков». Всегда ли, в таком случае, процедура сопоставления фактов, случайностей, регулярностей может быть произведена любым субъектом с одинаковым результатом? Фуко не случайно указывает на возможность *контролировать* дискурсы, а не просто работать с ними и находиться в их границах: «речь идёт о том, чтобы определить условия приведения их в действие, равно как и о том, чтобы навязать индивидам, эти дискурсы произносящим, некоторое число правил и сделать так, чтобы не всякому, кто захочет, был открыт к ним доступ... в порядок дискурса никогда не вступит тот, кто не удовлетворяет определённым требованиям или же с самого начала не имеет на это права»⁸. Не напрашивается ли здесь в качестве необходимого фона колоссальная фигура власти, определяющей то, какие области дискурса будут *открытыми и проницаемыми*, а какие – и не будет ли это в первую очередь история самой власти – «запретными (дифференцированными и дифференцирующими)»...

7 В свою очередь, Поль Вен, исследователь и популяризатор (в лучшем смысле этого слова) научного наследия Фуко, расшифровал это положение под следующим углом зрения: «дискурсы — это очки, через которые люди каждой эпохи видят все, что могут, думают и действуют. Дискурсы обязательны как для подданных, так и для властвующих, они — не фикции, сфабрикованные последними с целью обмануть первых и оправдать свое господство»...⁹

8 Отвлекаясь, но не уходя слишком далеко от Фуко, подчеркнем, что марксистский дискурс долгое время доминировал в философии истории (в том числе и как конкурентный, критикуемый теми теоретиками, которые с марксовой принципиальной линейностью истории согласиться не могли)¹⁰. Марксистский исторический дискурс – модерновский и прогрессистский, охватывая историю в целом в качестве *большого нарратива*¹¹, игнорирует те частности, которые неизбежны в случае «просеивания» исторических событий через сито памяти: по малопредсказуемой траектории, с индивидуальным рисунком, в целом – в обход любых строгих детерминант и констант. Философия истории, действительно, важнейший элемент марксовой теории, теснейшим образом связанный с политической философией: если, допустим, у социалистов-утопистов, у Сен-Симона и Фурье, попытка осмыслить исторический процесс предстает уже не просто как хаотическое нагромождение беспорядочно сменяющих друг друга событий, но как чередование в некоей последовательности определенных этапов или эпох, то Маркс в «Немецкой идеологии» ставит перед собой еще более серьезную задачу: объяснить смену крупнейших эпох в жизни всего человечества, обнаружив их механизм и закономерность, оставаясь «на почве действительной истории», т. е. раскрывая обе стороны процесса, в котором «обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства»¹².

9 Критику марксизма и философию истории концептуально связал в своих работах Вадим Михайлович Межуев – философ, теоретик культуры. Говоря о Марксе, Межуев оговаривается, что сам Маркс, очевидно, не считал себя философом истории, но утверждал при этом, что подлинная история людей еще только впереди, а до сих пор была лишь «предыстория», в которой люди создавали историю, но еще не жили в ней¹³. Эта тема «творения» истории человеком в культуре – важнейшая для философско-исторической теории В.М.Межуева.

10 Понятие «история» связано со временем, но не отождествляется с ним; иными словами, «не всё, что существует во времени, является, конечно, историей»: с временем имеют дело не философы — астрономы, физики, биологи, и это время, подчеркивает Межуев, — не историческое. Ссылаясь на Хайдеггера и его *Dasein*, Межуев уточняет категорию исторического времени, вследствие наличия которого история представляет перед нами не просто как результат осознания человеком конечности своего бытия, но как «результат его усилия как-то растянуть, задержать, даже приостановить время, найти ему

альтернативу в чем-то вневременном, вечном»¹⁴... Если в классическом марксистском дискурсе история однозначно ассоциируется с прогрессистским и линейно-направленным движением, то философия истории трактует ее в качестве не столько прогресса, сколько *постоянно происходящей* («перманентной») революция с непредсказуемым результатом¹⁵. «Знание прошлого еще не содержит в себе знания настоящего и будущего, что свидетельствует об отсутствии каких-либо общеисторических законов (наподобие природных), позволяющих предугадывать ход событий с той же точностью, с какой мы предвидим, например, смену времен года. Но как тогда возможна связь между историческими временами?»¹⁶, задается вопросом философ.

11 Ответ на этот вопрос дает именно философия истории, представляющая собой системную попытку отделения настоящего от прошлого в процессе философской рефлексии¹⁷, приходит к выводу В.М.Межуев. Философия истории, таким образом, не «хуже» или методологически «слабее» исторической науки, раз она не вырабатывает максимально точное знание о том, «что было до нас и без нас»: ей присуща иная задача, она формирует и представляет «историческое самосознание живущих в настоящем людей, как осознание ими своего отличия от людей прошлого»¹⁸, которому мы, в свою очередь, склонны приписать и политическое измерение: историческая память становится специфическим способом коммуникации с собственным прошлым и одновременно с будущим. «Победа времени над вечностью стала отличительной чертой модерна»¹⁹, резюмирует философ.

12 Суть упомянутого нами «политического измерения» философии истории заключается и в следующем, на что также обращает внимание В.М.Межуев: эта дисциплина «обязана своим существованием наличию в истории не только прошлого, но и будущего», которое никогда не определено заранее, а следовательно, само по себе предполагает альтернативы, или, как формулирует Межуев, «будущее открыто и потому служит предметом не столько знания о нем, сколько нашего более или менее сознательного выбора. Состояние выбора в любом случае подразумевает свободу. Но это означает, что люди живут в истории не только под властью внешней необходимости, но и в свободе, пусть по-разному доступной для них в разные времена. Каждый из нас каким-то образом совершает такой выбор. Или его совершают за нас другие. И в этом вся проблема»²⁰.

13 Здесь можно оговориться, что альтернативный способ мышления теоретически применим не только к будущему, но и к прошлому, но такой прием также находится в арсенале философии истории: как метод творческого постижения скорее настоящего и будущего, нежели собственно прошлого²¹. Вышесказанного это ничуть не отменяет, напротив, дополняет его. Современные исследования исторической памяти, её сути и конкретных примеров, дают нам и другие возможные ракурсы рассмотрения: например, исследования мест памяти, причем в широком смысле – не только официальных мемориальных локаций, чье место в общественном сознании более-менее определено (и даже при этом может вызывать жаркие дискуссии) – таких, как Бородинское поле, Бранденбургские ворота, Поклонная гора или парижский Пантеон²². Но и пространство повседневной жизни может стать обобщенным местом памяти вследствие тех или иных политических и/или управленческих решений: к примеру, недавнее переименование улиц в подмосковной Тарусе, ставшее самым массовым в России с начала 1990-х гг.,²³ вызвало значительный общественный резонанс, распространившийся далеко за пределы города и района, заставивший чиновников объясняться, а историков и политологов – вновь задаваться вопросом, возможен ли в современном российском обществе консенсус относительно общего прошлого, и каковы в принципе могут быть критерии определения подлинности этого прошлого и этой общности...

14 Собственно, можно согласиться с замечанием политолога В. Ачкасова о том, что современные массовые представления об истории и не являются «естественной памятью», передаваемой от поколения к поколению, они — «результат деятельности профессиональных агентов исторической политики»²⁴. В свете вышесказанного можно сделать следующий вывод: на сегодняшний день философия истории не является и не может быть лишь

абстрактной кабинетной наукой, оторванной от когнитивных и ценностных аспектов социального бытия. Методы философии истории – это инструменты, с помощью которых человек способен «сбежать» из замкнутого пространства официозного дискурса истории, не терпящей «фальсификаций», в направлении свободного выстраивания альтернативного исторического дискурса, основанного на фактах, научной экспертизе и демократическом диалоге граждан даже по самым острым и, возможно, болезненным вопросам общего прошлого, явленного в настоящем. Но, возможно, это и есть то, что подразумевается под нормальностью политики и жизни вообще – ведь, обращаясь в заключение к словам В.М.Межуева, «жить в истории — значит находиться в состоянии постоянного выбора своего будущего»²⁵.

Remarks:

1. Shils E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago and London: University of Chicago Press, 1975. P. 198
2. Если улица Марата в Санкт-Петербурге на слуху у многих, если не у большинства, то улица Робеспьера в Железнодорожном районе Красноярска упоминается существенно реже; тем не менее, это топонимический факт.
3. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас, №2, 2005. [Электронный ресурс] URL: [>>>>](#) (дата обращения: 14.10.2020)
4. Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 16
5. Там же.
6. Фуко М. Порядок дискурса / Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. — М.: Магистериум-Касталь, 1996. С. 80-81
7. Там же.
8. Там же. С. 69-70
9. Вен П. Фуко. Его мысль и личность. — СПб.: Владимир Даль, 2013. С. 37
10. В рядах этих критиков, впрочем, легко обнаруживаются не только последовательные критики исторического материализма, такие, как Карл Поппер (См.: Поппер К. Ницета историцизма. – М.: Прогресс, 1993. – 188 с.), но и авторы, сами вышедшие из «шинели» марксизма или, по крайней мере, в достаточной степени левые. См., например: Giddens, Anthony. A Contemporary Critique of Historical Materialism, Vol.1 University of California Press, 1981. 294 p.; Panayotakis, Costas. “A Marxist Critique of Marx's Theory of History: Beyond the Dichotomy between Scientific and Critical Marxism.” Sociological Theory, vol. 22, no. 1, 2004, pp. 123–139. JSTOR, www.jstor.org/stable/3648962 и др.
11. Федорова М.М. Современность: подходы и проблематизация // Полилог/Polylogos. 2020. Т.4. №2 [Электронный ресурс] URL: [>>>>](#) (дата обращения: 10.11.2020)
12. Очерки истории западной политической философии: Учеб. пособие для студентов / Под общ. ред. М.М. Федоровой; И.А. Ерохов, М.М. Федорова, А.Ф. Яковлева. – М.: Летний сад, 2013. С. 318
13. Межуев В.М., Кржевов В.С. Нужна ли сегодня философия истории? // Человек. 2018. № 6. С. 69-84
14. Межуев В.М. История как философская проблема // Политическая концептология, №3, 2014 г. С. 31-44
15. Межуев В.М. История как философская идея // Вопросы философии. 2018. № 8. С. 34-41
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же.
20. Межуев В.М., Кржевов В.С. Нужна ли сегодня философия истории? // Человек. 2018. № 6. С. 69-84
21. Шарова В.Л. Несостоявшиеся альтернативы политической истории России как фактор политического сознания. Круглый стол журнала «Полилог/Polylogos» // Полилог/Polylogos. 2019. Т.3. №3. [Электронный ресурс] URL: [>>>>](#) DOI: 10.18254/S258770110007511-4 (в соавт. с Жуковой О.А., Кара-Мурзой А.А., Локтионовым М.В., Омелаенко

В.В.)

22. Подробнее об этом см.: Шарова В.Л. Философия неодушевленного: историческая память и памятники в национальном нарративе. Несколько сюжетов из российского опыта // Полилог/Polylogos. 2018. Т. 2. № 1. URL: >>>> DOI: 10.18254/S0000028-2-1
 23. Храм не на улице Ленина. В Тарусе улицам вернули дореволюционные названия // Российская газета (федеральный выпуск). №241(8295). 25.10.2020 [Электронный ресурс] >>>>
 24. Ачкасов В.А. "Политика памяти" как инструмент строительства постсоциалистических наций // ЖССА. 2013. №4. С. 109 [Электронный ресурс] URL: >>>>
 25. Межуев В.М., Кржевов В.С. Нужна ли сегодня философия истории? // Человек. 2018. № 6. С. 69-84
-

References:

1. Achkasov V.A. "Politika pamyati" kak instrument stroitel'stva postsocialisticheskikh nacij // ZHSSA. 2013. №4. [Elektronnyj resurs] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-pamyati-kak-instrument-stroitelstva-postsotsialisticheskikh-natsiy>
2. Vel'cer H. Istoriya, pamyat' i sovremennost' proshlogo. Pamyat' kak arena politicheskoy bor'by // Neprikosnovennyj zapas. 2005. №2. [Elektronnyj resurs] URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html>
3. Ven P. Fuko. Ego mysl' i lichnost' / Per. s fr. A. V. SHeStakova. — SPb.: Vladimir Dal', 2013. — 195 s.
4. Mezhuev V.M. Istoriya kak filosofskaya ideya // Voprosy filosofii. 2018. № 8. S. 34-41
5. Mezhuev V.M. Istoriya kak filosofskaya problema // Politicheskaya konceptologiya. 2014. №3. S. 31-44
6. Mezhuev V.M., Krzhevov V.S. Nuzhna li segodnya filosofiya istorii? // CHelovek. 2018. № 6. S. 69-84
7. Ocherki istorii zapadnoj politicheskoy filosofii: Ucheb. posobie dlya studentov / Pod obsheh. red. M.M. Fedorovoj; I.A. Erohov, M.M. Fedorova, A.F. YAkovleva. — M.: Letnij sad, 2013. — 500 s.
8. Popper K. Nishcheta istoricizma. — M.: Progress, 1993. — 188 s.
9. Safronova YU.A. Istoricheskaya pamyat': vvedenie: uchebnoe posobie. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v SanktPeterburge, 2019. — 220 s.
10. Fedorova M.M. Sovremennost': podhody i problematizaciya // Polilog/Polylogos. 2020. T.4. №2 [Elektronnyj resurs] URL: <https://polylog.jes.su/s258770110011020-4-1/> DOI: 10.18254/S258770110011020-4
11. Fuko M. Poryadok diskursa / Volya k istine. Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. — M.: Magisterium-Kastal', 1996. — 448 s.
12. Hram ne na ulice Lenina. V Taruse ulicam vernuli dorevolucionnyye nazvaniya // Rossijskaya gazeta (federal'nyj vypusk). №241(8295). 25.10.2020 [Elektronnyj resurs] <https://rg.ru/2020/10/24/reg-cfo/v-taruse-ulicam-vernuli-dorevoliucionnyye-nazvaniia.html>
13. Sharova V.L. Nesostoyavshiesya al'ternativy politicheskoy istorii Rossii kak faktor politicheskogo soznaniya. Kruglyj stol zhurnala «Polilog/Polylogos» // Polilog/Polylogos. 2019. T.3. №3. [Elektronnyj resurs] URL: <https://polylog.jes.su/s258770110007511-4-1/> DOI: 10.18254/S258770110007511-4 (v soavt. s Zhukovoj O.A., Kara-Murzovoj A.A., Loktionovym M.V., Omelaenko V.V.)

14. Sharova V.L. Filosofiya neodushevlenogo: istoricheskaya pamyat' i pamyatniki v nacional'nom narrative. Neskol'ko syuzhetov iz rossijskogo opyta // Polilog/Polylogos. 2018. T. 2. № 1. URL: <http://polylog.jes.su/s258770110000028-2-1>. DOI: 10.18254/S0000028-2-1
15. Giddens, Anthony. A Contemporary Critique of Historical Materialism, Vol.1 University of California Press, 1981. 294 p.
16. Panayotakis, Costas. “A Marxist Critique of Marx's Theory of History: Beyond the Dichotomy between Scientific and Critical Marxism.” Sociological Theory, vol. 22, no. 1, 2004, pp. 123–139. JSTOR, www.jstor.org/stable/3648962
17. Shils, Edward. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago and London: University of Chicago Press, 1975. 516 pp.

Память как политическая проблема современности

Шарова Вероника Леонтьевна

*Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН)
119049, Москва, Мароновский переулок, д. 26*

Аннотация

Статья посвящена проблеме соотношения знания об истории и исторической памяти и, в частности, общественно-политическим аспектам данной темы. Проблема принципиальной достижимости объективности исторического познания анализируется в контексте философии истории с позиции критики идей классического марксизма. В этом ключе в статье проанализирован ряд положений теории дискурса Мишеля Фуко; отмечается, что дискурсивная субъектность власти проявляется себя в форме специальным образом организованного исторического нарратива: официальной концепции истории, соотнесенной с действующим политическим режимом, и это явление имеет вполне универсальный характер. В статье также сделан акцент на специфике соответствующих отечественных исследований на примере концепции Вадима Михайловича Межуева – его междисциплинарной теории на стыке философии истории, политической философии и теории культуры.

Ключевые слова: философия политики, философия истории, историческая память, политика памяти, пространства памяти, В.М.Межуев, критика марксизма

Дата публикации: 09.12.2020

Ссылка для цитирования:

Шарова В. Л. Память как политическая проблема современности // Полилог/Polylogos. – 2020. – Т. 4. – № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110012635-0-1/> (дата обращения: 08.12.2021). DOI: 10.18254/S258770110012635-0